

Глава 48. Раздел серебра

Старик Лю дрожал от ярости. Его костыль с глухим стуком раз за разом ударялся о землю.

— Прекратите! — прохрипел он. — А ну, всем стоять! Если не уймётесь, велю страже забрать вас в управу!

Гуань-ши была далеко не глупой женщиной. Она прекрасно понимала: в стенах дома она может бесчинствовать сколько угодно, но если дело дойдёт до официальных властей, закон встанет на сторону свекрови. Любое неповиновение обернулось бы против неё, да и на репутации детей поставило бы крест.

Мгновенно оценив ситуацию, она сменила гнев на отчаяние. Размахнувшись, женщина отвесила самой себе звонкую пощёчину и, схватившись за волосы, зашлась в истошном плаче.

— Отец! — взывала она сквозь слёзы. — Не по своей воле я этот шум подняла! Жизнь совсем невоготу стала... Чэньюй и Синь'эр пора замуж выдавать, а их отец к постели прикован! Младший только на ноги встал... Я одна и за калекой хожу, и по дому горбачусь, ни гроша за душой! От тревоги ночами глаз сомкнуть не могу. А что матушка творит? Она наши общие деньги, кровью и потом заработанные, на ветер пускает! Это же не просто серебро, это жизни моих детей!

Старуха Лю в ответ разразилась площадной бранью:

— Что ты несёшь, полоумная?! Мы давно разделили хозяйство, с чего это деньги стали «вашиими»?

— Хм, — Вторая невестка презрительно фыркнула, — «разделили», как же! Кто нам твердил, что раздел — лишь для того, чтобы отгородиться от Старшего Лю? Что мы, получив землю, должны знать меру и по-прежнему сдавать излишки в общую казну?

— И много ли вы сдали? — огрызнулась старуха. — В праздники и то лишнего гроша на почтение родителям не допросишься!

Гуань-ши продолжала гнуть своё, не стесняясь в выражениях:

— Как это не сдавали? И за зерно серебро отдавали, и то, что Третий Лю на подработках выручал — всё в общий котел шло! Просто кое-кто втайне всё это старшему внуку подсовывал, а теперь боится признаться!

Слова эти не были лишены истины. Старуха Лю по натуре своей была жадной и властной, вечно искавшей способ вытянуть деньги из сыновей и невесток. Все это понимали, и никто, кроме семьи Лю Хунцзе, не позволял ей так просто собой помыкать. Теперь же, когда

вскрылась правда о помощи Лю Чэнци, все почувствовали себя обманутыми. Почему это общее семейное достояние должно было достаться одному ему?

Цзян-ши, жена Четвёртого Лю, припомнив все те крохи, что свекровь выманила у них за эти годы, тоже заголосила. Она принялась в сердцах раздавать тумаки собственным детям.

— Непутёвые вы мои! — причитала она. — Все мы тут внуки, да только одни в школах учатся, по борделям гуляют да учителей подкупают, а вы что? Только и годитесь, что с голой задницей в поле пахать, пока не свалитесь! Никто о вас слова доброго не скажет, никто не пожалеет!

Дети подняли рёв, жалобно взывая к деду и бабке. Старик Лю, пытаясь унять шум, прикрикнул на невестку:

— Ты что же, тоже бунт решила поднять?!

Лю Лаояо тяжело вздохнул и, схватив жену за руку, опустился на колени перед родителями.

— Отец, матушка, пожалейте нас! — глухо проговорил он. — Мои дети, может, и не такие смышлёные, как Чэнци, и не видать им учёности, но им тоже нужно на ком-то жениться, за кого-то замуж выйти... Хочу, чтобы они хоть на ноги встали, а не гнули спину всю жизнь, как их родители.

Мать Лю не ожидала, что даже её самый покорный сын пойдёт против неё.

— Хороши детки! — взбеленилась она. — Все разом на мать ополчились! Деньги им подавай! Да откуда у меня столько? Думаете, я их печатаю или ворую?!

Цзян-ши утерла слёзы, и в её взгляде мелькнула решимость:

— Матушка, хватит пустых слов. В школе все знают: Чэнци отдал наставнику пятьдесят лянов. Нам лишнего не надо — дайте и нам по пятьдесят на каждую семью, и разойдёмся миром.

Гуань-ши, видя такую поддержку, сразу приободрилась:

— Верно! Мы не станем поминать старое, сколько вы прежде Второму Лю отдавали, но сейчас — выньте да положьте по пятьдесят лянов на брата!

Сунь-ши, жена Младшего Лю, тоже не могла больше молчать. Пятьдесят лянов! При разделе им и доли такой не досталось. Выходит, старики всё это время прибеднялись? На словах-то они в её сыновьях души не чаяли, а как до дела дошло — золотому внуку всё серебро отдали. Обычно она старалась держать лицо и слыть женщиной рассудительной, но такая сумма вскружила ей голову. Она легонько подтолкнула своих детей:

— Вы же учиться хотели? Идите, просите дедушку с бабушкой.

Мальчишки, привыкшие пользоваться любовью бабки, не заставили себя ждать. Они подбежали к старухе Лю и обхватили её с обеих сторон.

— Бабушка, не плачьте! Мы будем прилежно учиться, станем сюцаями и будем почитать вас!

Вторая невестка тут же съязвила:

— Какими сюцаями? Думаете, у вас ещё остались деньги на учёбу?

Младший сын Сунь-ши на мгновение замер, осознавая смысл её слов, а затем разразился горьким плачем:

— Как это — нет серебра? Бабушка, неужто мы не сможем учиться?! Не станем учёными мужами?!

Старуха Лю, души не чаявшая в младших внуках, набросилась на Гуань-ши:

— Тебе что, места мало?! Зачем детей до слёз доводишь, змея?!

Она принялась ласково гладить внуков по спинам:

— Не плачьте, маленькие, не слушайте её. Учитесь спокойно, а серебро бабушка найдёт, обязательно найдёт.

Четвёртая невестка окончательно потеряла терпение:

— «Найдёте»? А нам что делать? Матушка, вашей предвзятости должен быть предел! Почему Второму Лю всё на блюдечке, Младшему — обещания, а мы с Третьим Лю — словно отбросы какие?!

Старуха Лю и не думала признавать свою неправоту:

— Учёба — дело благородное! Если они добьются успеха, разве это не принесёт славу всему нашему роду? Разве вы не будете гордиться такими родственниками?

— У меня тоже есть сыновья! — возразила Цзян-ши. — Почему я должна надеяться на чужих детей? Если уж учиться, так всем вместе!

— Учиться? — Мать Лю презрительно усмехнулась. — Посмотри на своих оборотов — из них такие же учёные, как из меня принцесса. Ты думаешь, наставники каждого встречного в школу берут?

Лю Лаояо, человек обычно тихий и покладистый, не выдержал такого оскорбления:

— Матушка, не заходите слишком далеко! Мои дети могут быть не самыми умными, но они моя плоть и кровь, и я не позволю вам так о них отзываться.

Гуань-ши тут же подлила масла в огонь:

— Ну и что, что кровные? Если бабушке они не по нраву, так и ценит она их меньше, чем чужих людей.

Цзян-ши была полна решимости довести дело до конца:

— Матушка, как бы вы ни относились к моим детям, деньги вы отдать обязаны.

Старуха Лю стояла на своём:

— Нет у меня ничего!

— Нет, значит? — Четвёртая невестка сделала шаг к дверям родительской спальни. — А если я найду?

Поняв, что та настроена серьёзно, Гуань-ши мигом вскочила с земли:

— Четвёртая, скажи правду! Сколько матушка от нас припрятала?

Цзян-ши не стала таиться:

— Лянов сто точно наберётся.

Двор вмиг зашумел. Даже Старик Лю не мог поверить своим ушам: неужели все их накопления не ограничивались теми пятьюдесятью лянми, что ушли Чэнци? Выходит, жена десятилетиями копила деньги втайне от него?

Старуха Лю была вне себя:

— Не смей пороть чепуху!

Маленький сын Цзян-ши вдруг звонко выкрикнул:

— Неправда! Я сам видел! Там были целые слитки серебра!

Бабка вечно ела всякие сладости втихомолку и никогда не делилась с ним. Теперь-то он ей отплатит! Матушка говорила, что на эти деньги можно закупить гору всякой всячины.

После этого признания плотину прорвало. Ни Старик Лю, ни сама старуха уже не могли сдержатъ разбушевавшуюся родню. Семьи Третьего Лю и Четвёртого Лю ворвались в комнату и перевернули всё вверх дном. В потайном месте они обнаружили сто тридцать лянов серебра целыми слитками, не считая россыпи мелких монет.

Никто больше не слушал причитаний. Братья принялись рассовывать серебро по карманам. Вспыхнула драка, и в итоге на шум пришёл сам староста деревни. После долгих споров и криков было решено: Третий Лю, Четвёртый Лю и Младший Лю получают по сорок лянов каждый. Второму же Лю, чья семья уже растратила кучу денег на взятки учителю, досталось лишь десять.

Новости об этом разлетелись по деревне Циншуй быстрее ветра. Кто-то удивлённо спрашивал:

— И что, Лю Лаоэр так просто на это согласился?

— А куда ему деваться? Его Чэнци опозорился на всю округу с этими взятками и борделями. Староста прямо сказал: если будут спорить, всю их семью из деревни вытурят.

Вэй Вэнькан, узнав о случившемся, искренне недоумевал:

— Откуда у Старухи Лю взялось столько денег?

Лю Тяньцзяо только горько усмехнулся:

— Да откуда... У моего отца выкраивали, у Третьего Лю с Четвёртым из глоток вырывали... Да ещё серебро за проданных дочерей. Вот и накопилось понемногу.

Лишившись зачатки и доверия мужа, Старуха Лю заметно сдала. Однако натура у неё была крепкая — хоть она и выглядела теперь как догорающая свеча, но умудрялась скрипеть ещё многие годы.

Тяжелее всего пришлось Лю Чэнци. Бывший любимец семьи и «надежда рода» теперь стал

объектом насмешек. Где бы он ни появился, всюду шептались о его позоре. Тяньцзяо думал, что тот окончательно опустит руки, но, к его удивлению, через несколько дней Чэнци привёл себя в порядок и отправился в другую частную школу. Каким-то чудом он сумел убедить нового наставника принять его.

Старый дом Лю превратился в осиное гнездо, где каждый был занят своими обидами, так что Тяньцзяо наконец оставили в покое. Жизнь его потекла мирно. Торговля в мясной лавке шла не так бойко, как при отце — сельчане, словно сговорившись, старались не покупать у него много, не желая видеть его успех. К счастью, городские покупатели были лишены этой зависти: их заботило лишь качество мяса да честная цена.

По расчётам юноши, выручка лавки составляла около семидесяти процентов от прежней. Однако благодаря мясной лавке подтянулась и продажа тушёных потрохов, так что общий доход оставался вполне достойным.

Больше всего его радовал огород. Хитрость с укрывными матами сработала: летние овощи продержались лишний месяц, принеся три ляна чистой прибыли. Если в следующем году подойти к делу с умом, на этом можно будет заработать куда больше.

Наступил двенадцатый лунный месяц, а с ним и предновогодние хлопоты. Каждая семья начинала закупать припасы, и для лавки наступала самая горячая пора. Доход за один праздничный месяц мог сравниться с прибылью за два обычных.

Тяньцзяо с предвкушением открыл шкатулку с деньгами. Она заметно потяжелела. После похорон Лю Дахуа, свадьбы и оплаты учёбы Вэнькана у них оставалось всего тридцать лянов.

За несколько месяцев торговли он скопил пятнадцать лянов. Добавьте к этому десять лянов награды, которые принёс Вэй Вэнькан, и ещё пять лянов, возвращённых учителем Ваном в начале осени.

Итого — шестьдесят лянов серебра. Почти столько же, сколько было при жизни отца. Лю Тяньцзяо долго не мог в это поверить, пересчитывая монеты снова и снова. Неудивительно, что все стремятся в торговлю — это куда выгоднее, чем всю жизнь копать в земле.